

Виктор Бычков

*Женихи
из Мадоры*

остросюжетная повесть

Виктор Бычков
Женихи из Мадоры

«Издательские решения»

Бычков В.

Женихи из Мадоры / В. Бычков — «Издательские решения»,

Опустела очередная русская деревня. Но два соседа, Фёдор и Павел, не могут с этим смириться и предпринимают меры к возрождению малой Родины.

© Бычков В.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Женихи из Мадоры
остросюжетная повесть
Виктор Бычков

© Виктор Бычков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

– Дундук! Дундуком был, дундуком и подохнешь! – жена Федора Анисимова сорокаторрёхлетняя Верка считала своим долгом в очередной раз указать на место мужа в этой жизни. – Он, видите ли, останется здесь! Дундук! С кем я жила эти долгие двадцать пять лет? Где были мои глаза и мой ум, когда я молоденькой девчушкой выскочила за него замуж? Вот здесь под забором и сдохнешь, протянешь ноги без меня на третий день! Или на карачках ко мне приползёшь, на коленях умалять станешь, а я ещё подумаю – нужен ты мне или нет!

Она стояла напротив безучастно сидящего у забора на перевёрнутом дырявом ведре мужа, крепко сжимала подмышкой куль с одеждой. Казалось, ещё чуть-чуть, и этим свёртком женщина запустит или огреет по голове молчавшего мужика, так сильно метали молнии её глаза, такое презрение и ненависть сквозили во взгляде.

– Что ты молчишь, дундук? – молчание мужа ещё больше бесило жену, выводило, выбивало из привычной колеи.

Заругайся он, ответь грубостью, и ей стало бы привычней, легче, так требовали её законы домашних ссор. А муж молчал, и если отвечал что-то, то без злобы, без ненависти, говорил спокойным ровным тоном, тоном, перечить которому становилось всё трудней и трудней, тоном истины последней инстанции, которую не переспоришь, не перекричишь, не отвергнешь, а будешь с ней считаться, но вот именно это, оно-то и выводило из себя, бесило.

– Запомни, я сюда больше ни ногой! Все люди как люди, а этот: «Не поеду, останусь, тут моя родина, видишь ли», – передразнила Федора. – На всю деревню два дурака сыскалось – мой да Пашка Лоскутов. Два сапога – пара. Дундуки! Дураки! Идиоты! Кретины! Шавки подзаборные!

– О-о-о, уже пять имён имеем мы с тобой, Федя, помимо Богом даденных, – с той стороны забора стоял сосед Павел Лоскутов по кличке «Заплатка», загибая пальцы на руке с каждым новым словом Веры.

Его семья уехала из деревни неделю назад. Точно такой же скандал он уже пережил, а теперь искренне сочувствовал соседу Федьке.

– Раньше наши бабы называли нас Пашеньками да Феденьками, а теперь, вишь, сколько имён прибавилось: и дурак, и кретин. Молодцы, жёнки! Хорошие книжки, видать, читают, сериалов насмотрелись.

– Рот закрой, защитник, – Вера не оставила без внимания слова соседа, весь гнев перекинув на Павла. – Думаешь, ожил, здоровья прибавилось, как жена к сыну уехала? Думаешь, я не вижу, как маешься, как пятый угол ищешь по дому да по двору?

– Ну, чего ты кричишь, Вера? – Федя встал с ведра, взял куль из рук жены, отнёс в машину, что стояла во дворе, бросил в кузов. – Всё уже обговорено, чего зря языком молот? Остаюсь я, и весь сказ!

– Чего ж ты такой, Федя? – голос и тон жены сменились с гневного на жалостливый, жалобный. – Поехали бы вместе, жили бы как люди. Ну, что ты здесь делать будешь, чай, не бирюк ведь? И семья у тебя, и дети, вон, еще один внук скоро будет, а ты... – вдруг заголосила, запричитала как по покойнику. – Ой, что ж это де-е-ется, людцы до-о-обры-ы-е!

– Всё, всё! Будет тебе, мама, – старшая дочь Лариса взяла мать за плечи, повела к «Жигулям», что стояли за грузовой машиной с вещами. – Иди, садись, что зря нервы портить? Ему хоть кол на голове теши, всё едино. У него нет и не было жалости никогда. Федя он и есть Федя, – произнесла презрительно, даже издевательским тоном.

– Ты, это, дочь, не забывай, с кем говоришь, – Федор укоризненно покачал головой. – Зря отцу грубишь-то.

– Не указ! Я сама и мать, и мужняя жена теперь! – ответила с вызовом, метнув в сторону родителя гневный взгляд. – На себя лучше посмотри, а то только учить и горазд!

– Ну-ну, – не стал отвечать дочери, а подошел к водителю грузовика. – Давай, браток, трогай, не то мои наговорят еще, потом будет стыдно друг дружке в глаза смотреть.

– До свидания, папа, – младший сын Федора Андрей стоял напротив, опустив голову, ждал, пока отец обратит на него внимание. – До свидания, – а голос дрогнул, но голову так и не поднял, не осмелился посмотреть в глаза.

– Бывай здоров, сынок, – отец обнял сына, прижал к себе. – Не обижайся, сынок, и бывай здоров.

– Можно, я буду приезжать к тебе, папа?

– Конечно! Я буду только рад. Но мамку береги: ты теперь её опора, понял? И звони, обязательно звони!

– Ага, – резко отстранился от отца, решительно направился к машине.

На полдороги остановился, обернулся, улыбнулся, сжав руки над головой.

– Пока, папа, до встречи!

Потом Федор еще долго стоял, облокотившись на забор, провожая взглядом машины, что увозили его семью в город.

Впереди бежали синие «Жигули» зятя, за ними – бортовой «Зилок», загруженный домашним скарбом, что забрала жена с собой. Вот они минули здание бывшей начальной школы, повернули с деревни, скрылись на мгновение за деревьями перед мостком, и уже вынырнули на горке, в поле, на дороге, что вела в город.

Именно к Лариске и поехали Верка с Андрейкой, будут жить у них. Сыну скоро шестнадцать, школа там рядом с домом, пускай оканчивает, а потом сам решит, что и как. Парень уже взрослый, вишь, как переживает, не хочет тоже уезжать с Мадоры. Любит её, Фёдор видит, что любит сын свою деревеньку, а перед отцом как будто стыдно, что вынужден уехать.

Дочь, та замужем за налоговым инспектором, живут в катедже на окраине города. Всё звали с собой и его, Федора: мол, и два этажа, места всем хватит, и земли достаточно, если что, но он отказался. А жена, вот, согласилась, он не смог уговорить, как не старался.

– Ну, что, Фёдор Николаевич, так и будешь стоять, сопли на кулак наматывать? – Павел облокотился на забор рядом, смотрел на взгустнувшего соседа.

Они не сговаривались оставаться в деревне, нет. Пашка принял такое решение давно, самостоятельно, без совета с соседом, отправив жену с младшей дочерью неделю назад к старшему сыну в соседнюю деревню Кузьминки, центральную усадьбу бывшего совхоза, куда когда-то и входила Мадора. Там у сына дом большой, что в ту пору строил совхоз для специалистов. Сват зоотехником был в те времена, в почёте, вот и получил, а потом дочери, невестке Павловой, переписал в приданное, а сам остался в старой хатенке, но тоже крепкой еще, «в лапу» рубленая из сухой выдержанной сосны, простоит сто лет.

Звали и Павлика, но стыдно как-то: здоровый мужик, сорок пять лет, а к невестке на её половину. Ну, не позор, а? Да и не только поэтому. Было что-то такое, что нельзя было выговорить словами, объяснить другим людям, хоть даже и родным.

Павел не схотел, и всё! Не смог перешагнуть порог родного дома, оставить его на разтерзание, на разор.

Как можно покинуть то, что взлелеял, своими руками каждый гвоздик, каждую палочку прощупал, потрогал, каждый сучок как родной? А речка? А поля? А лес за околицей?

– Нам с тобой, Павел Егорыч, только бы не запить, – оторвался от тяжких мыслей Федор. – Этого и ждут все, что бы потом уколоть, посмеяться над нами.

– Ты прав, сосед, а я тебе хотел, было, предложить отметить это дело, – Павел неловко потоптался на месте, присел на дырявое ведро, на котором несколько минут назад сидел

Федор. – У меня и бутылка водки как раз есть. А ты прав – не стоит. Может, вылить, чтобы не соблазняла?

– Не, лучше поставь её на виду, а сам не пей. Я так курить бросал, – Федор присел на корточки рядом, сорвал травинку, играл ею в руках. – Пачку сигарет и коробку спичек положил в карман, и сам себе сказал: «Всё, Фёдор, или ты бросаешь курить, или ты полное дерьмо!». Вот так и бросил.

– И, что, не тянуло?

– Еще как! – хмыкнул Фёдор. – Первое время хоть волком вой, так хотелось. По щекам себя бил, зубами за руку кусал, чтобы только не закурить, удержаться от соблазна. Достану спички, сигареты, посмотрю на них, и опять на место.

– А зачем так делал, мучил себя?

– Силу воли вырабатывал, себя проверял: мужик я или дерьмо собачье.

– Ну и... – повернулся к соседу Павел.

– Не курю уже пятнадцать лет, ты же знаешь. Считаю, в тот год, как Андрейка родился, так ко рту ни разу и не подносил. Даже когда в гостях и стопку-другую пропустишь, не тянет больше: отравы она и есть отравы в какой бы красивой пачке не была.

– Молодец, мне бы так.

– А кто тебе мешает? Возьми и брось.

Павел какое-то время молча сидел, переваривал сказанное соседом, потом вдруг резко встал, вытащил из кармана пачку сигарет, спички, всё это скомкал в руках, смял, и решительно отбросил в сторону.

– А я по-своему брошу, – заговорил голосом, не терпящим возражений, боясь не столько реакции Фёдора, сколько самого себя. – Сколько раз пытался, и всё не получалось. А вот сейчас получится! С каждым днём пробовал курить на одну сигарету меньше. Выходит, только сам себя обманывал. А сейчас точно брошу! Вот увидишь! Брошу, как пить дать!

– Ну-ну, я свидетель, – Федор с улыбкой наблюдал за соседом. – Если закуришь, я тебя солдатским ремнем десять раз по заднице отхлестаю, идёт?

– Идет!

– Только по голой! И со всей силы! И посреди улицы средь бела дня!

– Согласен! – ударили по рукам, и снова присели у забора.

А день уже клонился к концу. Солнце садилось где-то за лугами, последние лучи его ещё вырывались из-за небольшого облачка, что встало на их пути, загородив само светило; привязанные за огородом коровы требовательно мычали, просились на дойку; щенок Булька скулил у ног, намекая, как бы чего похлепать на ночь глядя; визжали голодные свиньи в стайке. Только куры, не дождавшись обычной порции зерна, уселись, обиженными, на насест, да стреноженный конь Анисимова Валет мирно пофыркивал у копынки свежей травы.

И Федор, и Павел думали об одном и том же, но не обмолвились и словом, молчали, боясь затронуть эту тему. Слишком свежа она, больна ещё, что бы говорить, рассудить трезво, оценить правильно, без эмоций. Для этого нужно время.

Не сговариваясь, мужики разом встали, разошлись каждый на своё подворье.

И трёх лет не прошло, как некогда крупнейший в районе совхоз-миллионер рухнул, развалился, прекратил существование! «Издых, – как сказал сын первого председателя колхоза покойного Ивана Назаровича Нелюдина Степан. – Несколько поколений мадорцев строили, строили колхоз, а потом совхоз, а он взял и издох!».

Уму не постижимо! Как такое могло произойти?

Казалось, настолько прочно стоял совхоз на земле, что нет той силы, которая способна будет его хотя бы просто качнуть, так, чуть-чуть колыгнуть, проверить на устойчивость, не говоря о большем. А, поди ж ты, нашлась. Рухнул, в одночасье развалился, как будто песочный домик под колёсами машины, что лепят детишки на деревенской улице.

Сначала куда-то загадочно исчез новый директор с несколькими миллионами кредитных денег, потом началась такая чехарда, такая неразбериха и путаница, что сам чёрт ногу сломит.

Вдруг непонятно откуда появился «кризисный» управляющий, и так науправлял, что через месяц от тысячного дойного стада остались только корпуса ферм. Даже плиты перекрытия со скотных дворов продал кому-то. «Скотовозы» едва успевали развозить коров на бойню.

Потом почему-то совхоз передали УВД при облисполкоме. Какое имеет отношение это ведомство к сельскому хозяйству – не ведомо, только под новым руководством вслед за коровами исчезло около трёх тысяч свинопоголовья, что стояли на откорме в животноводческом комплексе.

На этом загадки не кончились.

В течение недели колонны КАМАЗов с прицепами круглые сутки вывезли зерно, что находилось на совхозном току.

Вслед за зерном таинственным образом исчезла вся автотракторная техника, сеялки, культиваторы, даже бороны, и те пропади. И всё совхозное уничтожалось и вывозилось в такой спешке, в таком авральном режиме, как будто ждали конца света или нашествия инопланетян и спешили успеть.

Кстати, как только всё вывезли, сразу же исчезли и представители УВД. Брать-то стало нечего!

Всё! Был совхоз да издох! Остались голые, заросшие травой поля, остовы ферм и складов. Остановилась жизнь в округе, что бурлила, била ключом, переливаясь через край веками, заглохла. И пять деревень, которые когда-то, в недавнем прошлом, являлись бригадами совхоза, со своими жителями тоже оказались у разбитого корыта.

Сначала районное начальство посчитало, что содержать начальную школу в Мадоре экономически не выгодно, и, не долго думая, закрыли. Хватит, отучились детишки, грамотные больше не нужны.

Та же участь постигла и амбулаторный пункт: болеть не положено, отныне здоровье граждан – забота только их самих. Государство не причём. Здоровые люди ему без особой нужды.

Федор ещё и ещё перебирает в голове события последних лет, и никак не может найти здравый смысл в происшедшем с их совхозом, да и вообще с русским селом.

Зачем, кому это нужно? В истории уже было, когда разрушали «до основанья, а затем...», неужели история так ничему и не научила?

Он знает, твёрдо верит, что его село, его Мадора устоит, воспрянет, возродится. Если бы не верил, не остался бы в ней. Но неужели это надо делать такой ценой?

На этот раз что за ворог приступом взял деревеньку, который опустошил её, разорил хуже иноземных захватчиков?

Когда люди стали уезжать, Федор сразу и бесповоротно решил, что останется в своём доме. А жена Вера – ни в какую! Мол, достаточно, наработалась, навоза нанюхалась, налопатилась, на всю жизнь хватит. Тем более, дочка с зятем целый этаж в городском коттедже отдают, живи да радуйся, с внучатами нянькайся. И Андрейке школа рядом, проблем нет. Зять даже работу подыскал выгребные ямы откачивать на ассенизаторской машине: оклад, выходные, праздничные – всё, как надо, не то, что в деревне. Верка, та с радостью согласилась техничкой в аптеку.

Убеждал жену, уговаривал, до последнего дня не верил, что бросит его здесь одного на хозяйстве. Правда, и она тоже не оставалась в долгу, надеялась, что и он уедет вместе в город. Но, видно, не судьба. Так и не смогли друг дружку убедить, каждый остался при своём. Вон, даже расстались со скандалом.

А хозяйство не дал порешить, пустить под нож. Лариска из города дважды привозила перекупщиков, те готовы были забрать коров, свиней живым весом, расчёт на месте. Выгнал.

Врагом для дочери стал, да и зять начал смотреть косо, за всё время, пока грузили вещи, просидел в «Жигулях», даже не подошел, не заговорил. Ну, и хрен с ним!

Андрейка как-то обмолвился, мол, зять с дочерью надеялись взять деньги от проданной животины со двора, да продать «Жигули», сложить всё, и купить хорошую иномарку. А то стыдно: мол, Антон при такой должности в налоговой инспекции, а на позорной машине ездит. Видишь ли, над ним уже на работе посмеиваются, над его машиной. А эти деньги родительские были бы как вступительные за этаж в коттедже. Вот, суки! Какие продуманные дети стали! А если родитель не сможет внести взнос, тогда что, в дом к себе не возьмут? Подыхай, мама-папа, под забором?

Главное, ему, отцу, ни слова, ни полслова. Всё за его спиной решили, сами определили, всё они сделали, по полочкам разложили, как будто он уже и не хозяин. И Верка, дура, купилась на городскую жизнь.

Фёдор сидел под коровой, додаивал уже вторую, а мрачные мысли всё никак не исчезали, давили, вытесняя собой все остальные.

Его совершенно не угнетала деревенская работа, нет, он знал её, даже любил, любил скотину-животину, умел ухаживать за ней. Эта работа никогда не была в тягость, в обузу. Умел делать всё, что требуется в своём хозяйстве. И работы не боялся. С детства его окружают одинаково как тяжёлый крестьянский труд, домашняя скотина, птицы, так и эта распрекрасная природа с речкой, полями, лесом. Оно было его, а он принадлежал всему вот этому, что было вокруг него. И было настолько естественным, как бывает естественным дышать, смотреть, любить. Это была его среда обитания, менять которую никогда не хотел и не будет.

А вот то, что остался один, без жены Верки, что она его предала, бросила, променяла на городские посулы – не мог никак смириться.

Пусть бы она просто сидела в доме, он бы сам всё делал, вплоть до того, что посадить и прополоть грядки, а она, Верка, только присутствует здесь, и всё! Палец о палец пускай не ударяет, просто сидит. А он будет знать, что она рядом, и ему достаточно, счастья большего не надо. Это же какой покой в доме-то был бы, а?! А на душе какая бы благодать? Вот, он доит корову, принесет молоко, зайдет в избу, а там Вера, улыбается, даже пускай бранится за что-нибудь, бабы, они такие, найдут, за что побранить мужика, а ему будет хорошо.

Конечно, Андрейка с ними, а как же. Федор не исключает, что сын мог бы и пожить у сестры в городе один без родителей, пока школу не закончит. Душа бы у отца была на месте за сына в таком случае. Всё ж таки сестра при нём, и он при сестре. Не чужие люди. Да и Андрейка уже далеко не маленький мальчик. Это был бы самый лучший вариант. Не раз своим предлагал его, но не послушали жена с Лариской, не сложилось.

С дочерью понятно, она изначально отрезанный ломоть, такая их доля – улетать с родительского гнезда.

– Федор Николаич! – размышления прервал голос соседа. – Ты долго еще шморгать за вымя будешь?

– От же характер, – недовольно проворчал Анисимов, вставая из-под коровы. – Не даст спокойно дело доделать, – был огорчен не столько тем, что пришёл Пашка, а что помешал подумать начатое.

Во дворе стоял Павел, нервно постукивал веточкой по ноге.

– За неимением женских грудей, будем тискать коровье вымя, – ответил на вопрос соседа. – Сколько, сказать не могу, но долго – это точно. Чего припёрся?

– Скучно, думаю, дай-ка схожу, порву нервы Федыке.

– Лучше бы штаны себе порвал. Что с молоком делать думаешь, рвач?

– А что думать? – Павел переминался с ноги на ногу. – Масло, творог да в город, а что еще можно? Вот только не знаю как.

– Своим в Кузьминки отвозить будешь? – Федор поставил ведро с молоком на крылечко, подошел к соседу.

– А зачем оно им? У свата корова, они не вылазят от молодых, всё прут им и прут. Сыну с невесткой лучше деньгами.

– Это верно ты сказал. Лучше деньгами, – Анисимову опять пришлось на ум старания зятя с дочерью по поводу его хозяйства. – Это правильно.

– Я чего зашел, – хлопнул по ляжкам Павел. – Подоил корову, поднимаюсь идти в дом, и что ты думаешь? Кот Мартин, сволочь, тут как тут! Неделю не было, а пришел, вернулся! Припёрся, об ноги трётся, стервец, пройти не даёт, поисть просит! И весь облезлый, как ни знаю что.

– Ну и что? – не понял Федор.

– Как что? – лицо соседа сияло улыбкой. – Моя-то Нинка с дочкой его с собой забрали в Кузьминки на новое место жительства, а он на них хрен кошачий с прибором положил, обратно вернулся. Домой! – закончил с такой гордостью, как будто кот совершил героический поступок, и хозяин смотрел на соседа с видом победителя.

– Значит и наша Мурка, его подруга, вскорости тоже явится, – уверенно поддержал радость Павла и Федор. – Вишь, ты уже не один в доме, лафа тебе, Паша!

– Нет, но ты понимаешь? Хозяйку бросил, а вернулся ко мне, хотя я иногда и поучал хорошенько чёрта этого блудливого: мог по горбу его рыжему и хворостиной огреть.

– Кот, он не баба – свой дом любит, – глубокомысленно изрёк Анисимов.

– Да? Ты так думаешь? – засомневался Паша. – Хотя, твоя правда: баба бросила, а кот – нет.

– Вот я и говорю, – Фёдор сходил в дом, вынес на крылечко чистые банки, принялся процеживать молоко. – Ты, это, Паша, Мартина больше не бей, не то обидится, опять уйдет в Кузьминки.

– Во! – осенило вдруг Павла. – Может, и жёнок наших надо было как кота Мартина иногда хворостиной да промеж ног, а? Тогда не сбежали бы, как думаешь?

– Ну-у! Промеж ног им надо что-то другое и почаще, – не совсем согласился Федя с соседом. – А по вдоль спины и по ниже, да хворостиной потолще – твоя правда. А то возомнили из себя, мол, дундук ты был, дундуком и помрёшь, – передразнил вдруг свою жену. – Не пуганные, Паша, жёнки наши, вот поэтому и зыкуют, выпендриваются.

Над Мадорой зависло ясное звёздное небо. Непривычная тишина окутала деревеньку, где со всех домов только вот эти два на её краю всё так же еще светились огнями окон, как когда-то сияла окнами вся деревня, остальные стояли заколоченными.

Ночь. Тишина. И полная неопределённость.

Глава вторая

На следующий день Павел пас коров за околицей, а Фёдор готовил свою «Ниву» к завтрашней поездке. Решили возить «молочку» в район на базар. Не пропадать же добру. Там – город, умный городской человек всегда захочет купить натуральные продукты, побаловать себя да близких. А Павел с Фёдором тут как тут: извольте, дорогие горожане, вот вам свеженькие и молочко, и творожок, и сливки со сметанкой и маслом! А к зиме и кабанчиков порешат, и сальцо с мяском на базар тоже. Кушайте, мол, дорогие горожане! И картошечка для вас у нас припасена, так что, берите, покупайте, не брезгуйте!

Вот только сосед что-то сдрейфил, боится встать на колхозном рынке. Ему, видите ли, стыдно!

Анисимов вспомнил утренний разговор.

– Федя, давай сделаем так: я буду пасти скотину, кормить, доить, сепарировать молоко, но только не заставляй меня торговать. Я и так сегодняшнюю ночь не спал, всё думал про этот чёртов базар, – и голос и взгляд Павла говорили о его искреннем нешуточном страхе перед колхозным рынком. – Я ж сгорю от стыда, Федя!

– С чего это вдруг?

– Не моё это, не мо-ё-о-о! Лучше убей сразу!

– А как другие торгуют?

– Не знаю, сосед, как другие, а я, поверь, не могу. Другие с парашютом прыгают, а мне на чердак по лестнице страшно лезть, так что – уволь, Федька, что угодно, только не это. Я ещё при совхозе отказался от нового «Кировца» из-за его высоты, остался на старом гусеничном тракторе работать, он поближе к земле, а ты меня хочешь торговать заставить. Не моя это высота, нет, не моя. Знаешь, Федя, свиньям скормлю молоко, вылью в канаву, а торговать не стану.

– Ну, не дурак, а?

– Понимаю, Фёдор Николаевич, знаю, что дурак, а ничего с собой поделывать не могу. Так что – уволь!

– А меня, значит, под танк бросаешь, оставляешь одного?

– Ты что, ты что, соседка! Я подносить товар тебе буду, со стороны смотреть, чтобы никто не обидел тебя. Уж я им! Не бойсь! За мной, как за каменной стеной! – для убедительности Павел стукнул себя кулаком в грудь. – Клянусь!

Анисимова вдруг насторожили звуки машины со стороны трансформаторной подстанции, что располагалась метрах в ста за его огородом в сторону поля.

Бросив снятые с «Нивы» задние сиденья в угол гаража, поспешил в огород, на ходу вытирая руки об штаны. За ним увязался щенок Булька.

У подстанции стоял незнакомый бортовой ГАЗ-66 с небольшой, в полкузова, будкой, вокруг сутились какие-то мужики.

«Неужто электрики обрезать свет будут? – ёкнуло сердце от нехорошей мысли. – Тогда точно конец деревне и нам с Пашкой. Хотя машина не их, чужая».

– Здорово ночевали, мужики, – поздоровался первым, окинув взглядом четверых незнакомцев. – Что привело к нам, не заблудились ли часом?

– А ты кто? – к нему навстречу шагнул высокий, подстать самому Фёдору, мужчина годов тридцати пяти. Остальные молча, как-то подозрительно переглянулись. – Ты кто такой, спрашивать у нас? Может, прокурор?

Анисимов остановился, но не отвёл взгляд.

– Ну-у, зачем же сразу прокурор? Электриков своих я всех знаю, а вот вы кто такие будете и что делать собираетесь? – и тут мелькнула страшная догадка: «Воровать провода прибыли,

голубчики!». – А сам я не прокурор, это точно, а тесть прокурора, если на то пошло, – соврал специально, чтобы добавить собственной значимости, весу. – Дочка моя замужем за прокурором в городе, – врал уже напропалую.

– А нам сказали, что здесь уже никто не живёт, – высокий недоумённо смотрел то на подельников, то на Фёдора. – А ты живёшь здесь?

– А ты как думаешь? Конечно, живу! И не один. Нас здесь много. Можете в гости заходить, – Фёдор шагнул внутрь образовавшегося мужиками круга.

Он понимал, что сейчас в таком неравном положении важно не дать почувствовать слабину – самое главное. В противном случае, он не справится с четырьмя здоровыми мужиками, а этот его шаг как раз и будет говорить им о его силе, правоте.

– Так вы мне не сказали, зачем вы здесь? Кто вас направил?

– Не верьте ему, – рыжий молодой парень с татуировками на всё запястье ткнул рукой в сторону Фёдора. – Шёл бы ты, дядя, а то у меня руки так и чешутся, так и чешутся пройтись по физиономии тестя прокурора.

– Я, конечно, глубоко сомневаюсь, что тебе удастся дотянуться до моего лица, – Анисимов еле сдерживался, трезво оценивал ситуацию, но и не мог терпеть такой наглости в отношении себя. – Разве что в прыжке и то, если я тебе позволю, нагнусь навстречу. А у меня такого желания нет. Так что, проглоти язык на время и побереги зубы, они тебе ещё пригодятся баланду хлебать.

– Ты кого стращаешь, мля? – рыжий прямо подскочил к Фёдору, задёргался, замахал руками, но и тронуть мужчину, видно, опасался. – Да я таких... знаешь что... знаешь как?

– Знаю, знаю, – Фёдор Николаевич легонько отодвинул в сторону рыжего и, обращаясь уже ко всем, продолжил:

– Это ж про тебя говорят, что на тебя ввосьмером напали, и все четверо – в валенках. Ты их как пугнул, так они как побегу-ут! Ты бежишь за ними, гонишься, оглянёшься – они далеко-о отстали!

Но его шутку не оценили.

– Так, хватит шутки шутить, не за тем приехали, – высокий незнакомец поднял руку, успокаивая подельников. – Ты кто такой на самом деле?

– Я? Человек! Живу здесь. А что?

Высокий оглянулся и тут же мужчина с заячьей губой пошёл к машине, вернулся с монтировкой в руках. Ещё один с монтажными когтями электрика на шее открыл дверь подстанции, дёрнул на себя ручку рубильника, отключил линию.

Всё это делалось молча, демонстративно, открыто, с вызовом.

– Вот что, – заговорил вновь Фёдор, заговорил спокойно, хотя всё внутри уже клокотало, кровь отхлынула от лица, губы побелели, во всём теле появилась лёгкость, голова стала чистой, ясной и руки налились небывалой силой.

Это состояние у него всегда предшествовало драке или смертельной опасности, как когда-то в Афганистане в той рукопашной, когда на кон ставилась жизнь.

– Вот что, мужики, чтобы снять провода, вам надо для начала убить меня. А я с этим категорически не согласен! Ставлю в известность, что как минимум двоих из вас отправлю поперёд себя на тот свет дорогу мне прокладывать, а остальным – руки-ноги попереломить смогу на прощание, так что решайтесь.

– А не боишься, дядя? – высокий с ухмылкой смотрел на Фёдора, нервно подёргивая ногой. – Нас ведь больше.

Мужик с монтировкой зашёл сзади, Анисимов шагнул в сторону, вышел из круга, и в это мгновение увидел бегущего через сад Павла.

– А чего вас бояться? Вы ж не кощеи бессмертные и если возьму кого за яйца – враз концы отдадите, – сразу прибавилось уверенности в себе, и тут же прокричал Павлу:

– Зови мужиков, Паша! Подстанцию грабят!

Лоскутов остановился, недоумённо уставившись в толпу у трансформатора, потом все-таки сообразил, что и Фёдору и подстанции грозит опасность, заорал во всё горло:

– Мужики-и! наших бью-у-ут! Сюда-а-а! Мужики, наших бьют! – и кинулся к плетню, принялся вырывать кол.

К крику Павла добавился виз Бульки, за щенком подняли лай собаки, и уже через мгновение над деревней стоял невообразимый крик, визг, шум.

Высокий резко повернулся к своим, решительно направился к машине.

– Заводи! – кинул на ходу мужику с заячьей губой.

Остальные молча заскочили в кузов, закрылись в будке.

Газанув, машина сорвалась с места и направилась прямо по полю в сторону дороги на районный центр, к мосткам, подминая под себя заросли лозы, что попадались на её пути.

Фёдор ещё успел заметить, что номера на машине были сильно замазаны грязью и не читались.

Подбежал Павел с колом в руках, тяжело дышал, поминутно вытирая рукавом пот с лица.

– А что здесь было? Кто это были? – не дожидаясь ответа, снова говорил и говорил:

– А я забыл проверить газ на плите: выключил или нет? Иду, смотрю, тебя окружают. Ну, думаю, прищучили Федьку. Так я бегом, а тут и ты кричишь. Ну, дак я давай блажить на всё деревню, да кол ещё.

– Молодец, Паша, вовремя ты нарисовался, – Фёдор только сейчас начал осознавать, какой опасности подвергался. – И, главное, понял меня, закричал. Молодец, Пашка! А то я уже думал, что трудненько мне придётся.

– И что, против четверых пошёл бы, Федька? Неужели?

– Так они, гады, подстанцию отключили и собрались провода снимать со столбов. А я помешал. Вот и думай: пошёл бы или нет? Неужели без света сидеть? Перед этими шавками голову гнуть? Да никогда!

– Ох, и отчаянный ты, Федот, ох, и отчаянный! Я бы так не смог. Неужели не боязно было?

– Честно?

– Конечно! А ещё как бывает? Нечестно? Или так себе?

Павел облокотился на кол, с интересом смотрел на соседа.

А тот не стал сразу отвечать, повернулся, пошёл к подстанции, включил рубильник, закрыл дверь, поднял кусок проволоки с земли, замотал её, и только после этого снова заговорил:

– Надо будет замок на дверь нацепить. Хотя, если захотят, сорвут и замок.

– Так ты не ответил, Фёдор Николаевич: коленки не тряслись, нет?

– Честно скажу Паша, а ты уж сам решай – трусил я или нет. Не поверишь, – и тон, и выражение лица Фёдора вдруг стали мечтательными, помолодевшими, глаза загорелись, даже румянцем взялись щёки – таким Лоскутов соседа ещё не видел.

– Вдруг на мгновение показалось мне, что я не дома, не у себя за огородом, и не один. И не подстанция это вовсе, а перевал, что держал наш десантный взвод там, в Афганистане.

Тогда, по правде говоря, охранение наше проспало «духов», двое бойцов жизнями поплавились за это сразу же. А вот третий поднял нас, хотя уже и поздно: почти на наши позиции ворвались душманы. Однако не врасплох, и то хорошо. И мы сошлись, Паша. Как же мы сошлись, соседка?!

Рассказчик замолчал, поднял кверху разом повлажневшие глаза, с силой ударил рукой об руку.

– И-э-эх, Паша! – голос Фёдора дрожал, вибрировал. – Как мы сошлись! Чертям тошно стало, так мы сошлись! Видно, «духи» не рассчитывали, что восемнадцатилетние пацаны так

умеют драться. Среди нас только взводный лейтенант Воскобойников постарше был, ему двадцать три стукнуло как раз на перевале. Он после общевоинского военного училища сразу к нам попал. А остальные дети ещё, пацанва безусая после учебки. А у душманов мужики зрелые, крепкие, тридцати-сорокалетние, натасканные американскими инструкторами. Звери, одним словом. Но и мы... это... не лыком это...

Фёдор снова замолчал, только скрежетал зубами, да желваки бегали по побледневшему вдруг лицу.

– А дальше-то что, Федька? – Павел застыл с раскрытым ртом, уставившись на соседа.

– А дальше, Пашка, самое страшное, – Фёдор снова ударил рукой об руку, сделал глубокий вдох, задержал дыхание. – Почему-то забыли про оружие. То ли не до него было? Они-то, духи, нас, считай, сонными застали. Как бы то ни было, Павел, дрались мы ножами да голыми руками. Некоторые камни-булыжники ещё успели в руку взять. На кон-то ведь жизни поставлены, и переигровки не будет: тут или выиграл, или проиграл. Вот такой выбор...

Был я старшим пулемётного расчёта, первым номером, а со мной был вторым номером Вовка Баранов с Алтайского края. Двое душманов на нас свалились из-за камней с ножами в руках: один – на меня, другой – Вовке достался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.